

Н.А. Воробьева
Екатеринбург

**Динамика сакрального в русской идиоматике:
показания языкового сознания**

Анализ функционирования сакральных идиом невозможен без обращения к показаниям языкового сознания носителей литературного языка и говоров. Контексты употребления устойчивых сочетаний, приведенные в словарях, не всегда позволяют сделать вывод, актуальна ли сакральная семантика. Глубина считывания сакрального прецедента, как показывает практика, разная. Семантика сакральной идиоматики многослойна, поверхностный слой связан с профанными (обыденными) ситуациями, хотя уже сам факт выделения клишированной формулы свидетельствует о прагматической значимости ситуации, с ней связанной.

Безусловно, динамика восприятия сакрального содержания идиом зависит от типа языковой личности, возраста, места проживания, культурного фона носителей языка и т.п. Для выявления психологической реальности сакральных смыслов нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с носителями литературного языка. А.А. Залевская отмечает, что «методики такого рода позволяют не только обнаружить сформировавшиеся в прошлом опыте человека системы связей, но и разграничивать «ядро» и «периферию» отдельной системы, измерять степень семантической близости между ее элементами, проследить динамику связей внутри исследуемой системы» [Залевская 1990: 9].

В результате анализа сакральной идиоматики мы пришли к выводам о том, что сфера сакрального, структурируемая базовой оппозицией сверхъестественного: святое («чистое») и демоническое («нечистое»), представлена в коллективном языковом сознании определенными **стереотипами** восприятия каждого из членов этой бинарной оппозиции. Так, наиболее значимыми признаками, объективирующими представления о сверхъестественном, являются следующие:

1. Святая (чистая) сила – символ всего положительного. Ее действия воспринимаются как приносящие добро, помогающие

человеку. Именно она наделяет (или не наделяет) человека талантом, здоровьем, красотой и т.д.

2. Нечистая сила – символ всего отрицательного. Ее действия воспринимаются как мешающие человеку, приносящие вред здоровью, семейному благополучию, хозяйственной деятельности и т.п. Ее влиянием человек, пытаясь снять с себя ответственность, оправдывает свои неудачные и неблагоприятные поступки.

Все вышесказанное диктует необходимость при анализе набора ассоциатов и выявлении доминанты ассоциативного поля ориентироваться на экспликацию общих представлений о сакральном в разных семантических признаках:

- о свойствах и способностях чистой и нечистой силы;
- о внешнем виде;
- о правилах «общения» со сверхъестественным;
- об образе жизни в соответствии с Божьими законами;
- о судьбе и предопределенности и т.д.

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен среди студентов-филологов и культурологов четвертого и пятого курсов Уральского государственного педагогического университета, аспирантов, обучающихся по разным специальностям (общая психология, специальная педагогика, социология и др.). Всего в свободном ассоциативном эксперименте участвовал 61 человек.

В качестве стимулов носителям литературного языка было предложено 15 идиоматических сочетаний, при отборе которых учитывались следующие критерии:

- 1) наличие формально выраженного сакрального компонента в составе идиомы, обладающей сакральной семантикой;
- 2) наличие формально выраженного компонента в составе идиомы, которая либо изначально не имела сакральных смыслов, либо утратила их в процессе функционирования;
- 3) отсутствие формально выраженного сакрального компонента при наличии у идиомы общего сакрального смысла;
- 4) наличие в составе идиоматического сочетания разных средств выражения сакральной семантики (сакрального субъек-

та, сакрального объекта, сакрального времени, сакрального действия);

5) сфера функционирования (литературный язык и диалектная речь);

б) частотность употребления.

Гипотеза эксперимента базировалась на следующих предположениях:

- сакральная семантика идиом осознается носителями современного русского языка в разной степени;

- «считываемость» сакрального содержания зависит от нескольких факторов: от значения идиомы, от сферы ее бытования, от частотности употребления, от уровня языковой компетенции испытуемых.

Ассоциативное поле выстраивается с учетом количества полученных реакций. Наибольшее число реакций – ядро ассоциативного поля, затем по степени убывания индекса частотности выделяется ближняя и дальняя периферия. Зона крайней периферии представлена индивидуальными ассоциациями, набор которых позволяет иногда даже в большей степени выявить наличие «реликтов» исходных сакральных смыслов в сознании носителей языка. Такие индивидуальные реакции мы анализировали в соотношении с теми маркерами сакрального, которые являются основой семантизации этого понятия в словарных дефинициях, что позволяет выделить из состава реакций не только ядро ассоциативного поля, но и **ассоциативную доминанту периферийных** реакций, которые эксплицируют отдельные аспекты сакрального. Ассоциативная доминанта, как правило, связывает периферийные реакции с ядром на основе актуализации с их помощью различных зон ассоциативного потенциала идиомы и ее словных компонентов. Ассоциативный потенциал слова мы понимаем, вслед за Т.А. Гридиной, как «ассоциативную валентность знака, допускающую системное (внеконтекстуальное) и речевое варьирование его плана выражения и плана содержания и различную интерпретацию. Ассоциативная валентность знака предстает в виде всей совокупности ассоциативных связей слова» [Гридина 1996: 35].

Выделение ассоциативной доминанты в составе периферийных реакций позволяет выявить динамику восприятия сакрального, которая проявляется в сочетании «элементов устойчивой и варьируемой информации об обозначаемом в содержательной структуре лексем: а) внутрисемемное соотношение компонентов денотативно-коннотативного аспекта значения лексемы...; б) соотношение ядра и периферии лексического значения определяет вариативную зону конкретизации основных сем в структуре сигнификата. Периферийные компоненты содержательной структуры слова расширяют его ассоциативный потенциал; в) соотношение семантического речевого прогноза и актуального смысла слова: в речи ассоциативная валентность внутрисловного типа проявляется в совокупности актуальных смыслов слова (частных комбинациях компонентов, составляющих его семантический объем. АПС предстает в данном случае как обусловленная самим лексическим значением программа преобразования потенциального содержания в актуальное» [Гридина 1996: 60-61]. Эта «программа» моделирования актуальных смыслов идиомы может быть выявлена при анализе всей совокупности реакций, полученных на стимул, в том числе и периферийных. Продемонстрируем полученные результаты на нескольких примерах.

Бог пихнул ‘неизвестно зачем, для какой надобности’ [ФСРГС 1983: 13].

Всего получено 82 реакции.

Ядро – неудача (7)

Ближняя периферия: небо (3), обида (3), кинул (3), пришло выше (3), удача (3).

Дальняя периферия: обидел (2), разочарование (2), облака (2), гром (2), дождь (2), бросил (2), ударить (2), пнул (2).

Крайняя периферия: не очень-то вежливо, расстройство, неприятности, поступок, послан, толкнуть, упасть, пинок, озарение, случайность, наказание, традиция, убыток, неудобство, сложности, Божья немилость, немилость, потеря, случайно, дар, луч, на меня, страх, сложная ситуация, страшно как-то, отринул, благословение, поддержка, бросил, судьба, праведный путь, знамение, обделенность, кинул, штык, чихнул,

споткнулся, озарило, отправил куда-то, невезение, смерть, подставил, выгнал.

Ассоциативное поле этого устойчивого сочетания включает в большинстве своем профанные характеристики, которые ассоциативно связаны со вторым компонентом *пихнул* (глагол со значением ‘действие, направленное на субъект’). В том числе реакции:

1. Синонимического плана *толкнул, пнул, кинул, подставил.*

2. Слова одного тематического поля, вступающие со стимулом в причинно-следственные связи *пихнул – споткнулся, упасть.*

3. Общеоценочные ассоциации, относящиеся к противоположным семантическим полям *неудача, обида, расстройство, разочарование, неприятности – удача, поддержка.*

4. Парономазы *пихнул – чихнул.*

Несмотря на явное преобладание профанных ассоциатов, идиоматическое сочетание, на наш взгляд, не полностью утратило сакральную семантику, так как среди полученных реакций встречаются такие, которые ассоциативно связаны с компонентом *Бог* и отсылают нас к сфере сверхъестественного:

1. Реакция, отражающая представление носителей языка о месте пребывания божественных сил: *небо* ‘в религиозных представлениях: обитель бога, богов’ [Ож. 1988: 392].

2. Реакции *гром, облака* в какой-то степени, возможно, отражают представления носителей языка о том, что природные явления могут быть вызваны действиями божественных сил. Ср.: «У большинства древних народов среди прочих богов имелся (обычно – самый могучий) бог грома и молнии, Громовик или Громовержец. У славян такую роль играл Перун. Такой бог, по мифологии древних, восседал на облаках и в гневе метал оттуда свои громы и молнии» [РФ 2005: 168].

3. Реакции *пришло свыше, послан, озарение, наказание, божья милость, дар, благословение, судьба, озарило* указывают на то, что высшие силы влияют на жизнь человека. Ср.: озарение ‘внезапное <ничем не объяснимое> прояснение сознания, понимание чего-н.’ [Ож. 1988: 383]; судьба ‘стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий’ [Ож. 1988: 676]; благословить ‘у религиозных людей: перекрестить

(как бы передавая этим знаком покровительство, пожелание счастья, удач и т.п.' [Ож. 1988: 45].

Ассоциативная доминанта – «удача / неудача» и рефлексия над этими понятиями. Скорее всего, именно рефлексия над ядерной реакцией *неудача* и реакцией *удача*, зафиксированной в зоне ближней периферии, обусловила появление в зоне крайней периферии реакций, отражающих стереотипы восприятия неудачи как посланной свыше.

Будто Бог на телеге едет 'о сильном ударе грома' [ФСРГС 1983: 7].

Всего получена 71 реакция.

Ядро – *гром* (7).

Ближняя периферия: *важный* (4), *гроза* (3), *красота* (3).

Дальняя периферия: *гордый* (2), *король* (2), *великий* (2), *громхот* (2), *громкий звук* (2), *гром гремит* (2).

Крайняя периферия: *красиво, гармония, небо, закат, огонь, пыль на дороге, громохание, важность, радость обыденному, вместе, рядом, деловой, королевский, осанка, высокомерие, слава, щебень, дождь, новый русский, слишком солнечный свет, денди, неравенство, присказка, бок о бок, выделяется, красивый, сильный, ирония, уважение, шум, богатство, лето, Илья-пророк, громкий звук, Зевс на колеснице, рядом с тобой, бред, надменный вид, нелепый, лошадь, тишина, гром гремит; Илья-пророк на колеснице едет.*

Ассоциативная доминанта – осмысление природных явлений.

Можно предположить, что реакция *гром*, являющаяся ядром ассоциативного поля, отражает наивные представления носителей языка о том, что природные явления – результат действия сверхъестественных сил (см. выше). Ср. также: *гром, гроза, гром гремит*. Кроме этого, на периферии ассоциативного поля встречаются реакции, отсылающие нас к сакральным субъектам: мифологическому персонажу *Зевс на колеснице* и православному *Илья-пророк, Илья-пророк на колеснице едет*.

В то же время периферия ассоциативного поля содержит в большинстве своем профанные реакции, связанные с антропоморфными характеристиками *красота, гордый, король, великий, королевский, осанка, слава, денди, красивый, сильный*. Наличие подобных реакций оценочного характера, по-видимому, обу-

словлено употреблением в составе идиомы сравнительного союза *будто* и произвольным вычленением компонентов (будто Бог).

Таким образом, устойчивое сочетание еще сохраняет сакральную семантику, но, возможно, со временем перейдет в разряд профанных, чему способствует переосмысление компонента *Бог* в составе идиомы ‘человек, подобный Богу’. Ср. оценочные реакции социокультурного плана. *Важный* ‘имеющий особое значение, значительный’ [Ож. 1988: 64]; *важность* ‘1. см. важный. 2. Гордое поведение, гордый вид’ [Ож. 1988: 64]; *высокомерие* ‘гордое и надменное поведение, отношение к кому-либо’ [Ож. 1988: 116]; *осанка* ‘внешность, манера держать себя’ [Ож. 1988: 452]; *надменный* ‘самонадеянный и кичливый, высокомерный’ [Ож. 1988: 371]; *новый русский* ‘российский предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевший’ [ТСРЯ 2002: 426].

Бес сидит ‘кто-либо испытывает постоянное, непреодолимое желание сделать что-либо предосудительное, опасное’ [ФСРЛЯ 1991: т. 1, 26].

Всего получено 84 реакции.

Ядро – *зло* (5).

Ближняя периферия: *злость* (3).

Дальняя периферия: *бес в ребро* (2), *чертовщина* (2), *бесовщина* (2), *знев* (2).

Крайняя периферия: *не спит, поджидает, дремлет, опасность, страх, ехидство, подсматривает, в человеке, ненависть, хитрый, лукавый, неуравновешенный, душа, сердце, болото, негодяй, преступник, вздорность, лохматый, взрывной человек, безбашенный егоза, беситься, бестия, весело, затаить зло, чертенок, нервы, томление, черт в голове, злой человек, буйство, буйан, пыль до потолка, брань, раздор, изгнание, человек, мешок, дуб, дерево, костер, дьявол, ребенок, я, страшно, дурость, зверь, разбудить зверя в ком-то, злой человек, неприятный, лень, дикость, шалун, егоза, облака, раздраженность, пакостливость, ветка, страх, скрючился, сумасшедший; человек, одержимый бесом; страшный с рогами; все раздражает, бесит; кто его знает, чего дождемся; человек, вызывающий отрицательные эмоции; любовник пожилого возраста.*

Ассоциативная доминанта – зло и различные его проявления.

Периферия представлена реакциями, отсылающими к сфере сверхъестественного. Особенно интересна периферия ассоциативного поля, которая представляет, условно говоря, «портрет» демонологического персонажа, включающий:

1. Реакции, выражающие отрицательные коннотации, связанные с представлением о нечистой силе: *злость, гнев, беситься, бестия* и т.д. Две последние реакции можно рассматривать и как эпидигматические, лишенные связи с сакральным смыслом и основанные на чисто фонетических сближениях со стимулом *бес*. Ср. лексическое значение, приводимое в современных толковых словарях, например, *беситься* '1. Заболеть бешенством, 2. Резвиться, шалить без удержу' [Ож. 1988: 40]; *бестия* 'плут, пройдоха' [Ож. 1988: 42].

2. Ассоциаты, составляющие со стимулом отношения координации: *бес – черт, бес – чертенок, бес – дьявол*. Такие реакции отражают общую тенденцию функционирования анализируемых идиом, связанную с формальным варьированием компонентов, чаще всего называющих демонологических персонажей.

3. Реакции *болото, ветка, дерево, дуб*, отсылающие к сакральному пространству и его характеристикам.

4. Реакции, отражающие представление носителей языка о внешнем виде нечистой силы: *страшный с рогами, скрючился, лохматый*.

5. Реакции, которые отражают представление о характерных действиях нечистой силы: *не спит, поджидает, дремлет, подсматривает, пакостливость*.

6. Ассоциаты, «приписывающие» нечистой силе человеческие качества (черты характера): *хитрый, лукавый, неуравновешенный, ехидство, негодяй, преступник*.

7. Ассоциаты, актуализирующие зону коннотаций, связанных с нечистой силой. В основном это реакции со значением неопределенности и связанных с ней эмоций, ощущений: *страх, опасность, кто его знает, чего дождемся*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идиома не утратила сакральную семантику, поскольку сохраняется отсылка к сакральному субъекту.

Результаты эксперимента позволили сделать следующие выводы:

- идиоматических сочетаний анализируемой группы в большинстве своем осознается носителями литературного языка как сакральные. Причем сакральная семантика осознается с разной степенью глубины. В одних случаях идиома однозначно воспринимается как сакральная, что находит отражение и в ядре, и на периферии ассоциативного поля, например, *бес сидит, нечистый дух попутал*. В других случаях сакральные смыслы являются факультативными и обнаруживаются только на периферии ассоциативного поля при учете разного рода ассоциативных связей (фонетических, словообразовательных, лексических и т.д.), например, *как кикимора, знаткой человек*;

- наличие реакций сакрального характера поддерживается прозрачностью исходной мотивировки внутренней формы (образным основанием), например, *гадать на кофейной гуще*. Ср., отмечаемую Т.А. Гридиной, подвижность ассоциативной связи «денотат – сигнификат – коннотат» «и с точки зрения реализуемых аспектов значения слова, и с точки зрения реализуемой понятийно-денотативной отнесенности слова в речевой деятельности» [Гридина 1996: 37];

- ассоциаты, свидетельствующие о разной (и сакральной, и профанной) интерпретации сакральных идиом, диктуют необходимость обратиться к живой диалектной речи, которая даже в условиях искусственно смоделированного направленного общения позволяет выявить актуальность сакральных смыслов для языкового сознания диалектоносителей.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж, 1990.

Список сокращений

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / сост. А.И. Федоров. – Новосибирск, 1983.

Ож. – Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1988.

РФ – Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка в 2-х тт. / сост. А.И. Федоров. – Новосибирск, 1991.

© Воробьева Н.А., 2007